

История пишет любовь

РОКОВАЯ
ЛЮБОВЬ
НЕМЕЦКОЙ
ПРИНЦЕССЫ

Елена Арсеньева

Елена Арсеньева

**Роковая любовь
немецкой принцессы**

«Автор»

2010

Арсеньева Е. А.

Роковая любовь немецкой принцессы / Е. А. Арсеньева —
«Автор», 2010

ISBN 978-5-699-46160-8

Немецкая принцесса Вильгельмина была необыкновенно хороша собой, и именно ее выбрала Екатерина Вторая в супруги своему сыну Павлу – недалекому увальню, презираемому даже собственной матерью. Ах, как Вильгельмина не хотела ехать в далекую Россию, которая представлялась ей такой чужой, холодной, варварской! Но судьба словно захотела вознаградить ее: капитаном корабля, на котором она плыла в Петербург, был граф Андрей Разумовский – красавец, чья репутация ловеласа и ветреника была всем известна. Там, на корабле, в тесной каюте, будущая великая княгиня стала его любовницей. Их роман, страстный, бурный, не прекратился и после бракосочетания Вильгельмины с Павлом – сердце немецкой принцессы навсегда было отдано русскому графу. Но увы, этому огню не суждено было гореть вечно – любовь, что дарила Вильгельмине пленительные, сладчайшие минуты, стала для нее роковой.

ISBN 978-5-699-46160-8

© Арсеньева Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	26
-----------------------------------	----

Елена Арсеньева

Роковая любовь немецкой принцессы

*Красивой женщине много чего могу простить. Красивому мужчине
– еще больше.*
Екатерина II

«Вот так и пройдет моя жизнь... Вот в этом безнадежном ожидании счастья пройдет. А оно так и не явится ко мне. А кому нужно, чтобы я была счастлива? Кому вообще я нужна? Кому интересно, что я умнее всех, кто меня окружает? Как раз тем, кто меня окружает, это вовсе и не интересно. Они мне завидуют. Умна, да еще и красива... фу! Они будут счастливы, если я вдруг умру... от чахотки... А почему я вдруг умру от чахотки? Откуда она возьмется?! Не знаю... откуда-нибудь да возьмется... Ветром нанесет. Таким неудачницам вроде меня, красавицам, умницам, но бедным, ужасно бедным бесприданницам, вечно не везет! Чахотка прицепится. Или чума, или холера... Причем я уверена, что этих двух дур, моих сестричек, никакая хвороба не возьмет, а я, самая очаровательная из дочерей ландграфа Гессен-Дармштадтского, непременно сойду до времени в могилу. Как все же несправедливо распорядилась судьба, что я родилась столь поздно... Родись я раньше, тогда, конечно, никакая не Фредерика, старшая сестрица, а я, я, только я стала бы женой Фридриха-Вильгельма, наследника прусской короны, племянника самого Фридриха Великого! Да-да, король выбрал бы для него меня и только меня!

Конечно, он ужасный бабник, этот Фридрих-Вильгельм... с ним вечно учиняются какие-нибудь скандалы. Чтобы жениться на сестрице Фредерике, он развелся с первой женой, Элизой-Кристиной Брауншвейгской, а теперь вовсю бегаёт за какой-то графиней Фосс. Конечно, дядюшка больше не позволит ему разводиться, не то не видать ему престола, но ходят слухи, что он хочет сделать эту графиню своей морганатической супругой. И еще у него целая куча любовниц! Бедная Фредерика, иметь такого мужа... Нет, женщина сама виновата, если муж от нее гуляет, если таскается за юбками. Вот ведь папенька не гуляет от маменьки! Он ее боготворит, потому что она – умнейшая из женщин. Она умеет его держать под башмаком! Вот и я умела бы... О, я бы держала Фридриха-Вильгельма под таки-им башмаком, что он и вздохнуть не решался бы без моего изволения! А я... о, я бы жила, как хотела, в свое удовольствие. Я бы завела себе фаворита, как это делает русская императрица. Говорят, она меняет фаворитов, как перчатки. Ах, вот это женщина... Конечно, она уже замшелая старуха, конечно, фавориты нагло врут, когда говорят ей о любви, а вот меня... о, меня они любили бы, обожали бы, носили бы на руках! Я бы только и знала, что наставляла бы мужу рога, а он бы об этом даже не догадывался и благодарил бы меня за каждый ласковый взгляд, за каждую улыбку! Ах, какую бы я себе устроила жизнь, если бы мне повезло выйти за... ну ладно, не за Фридриха-Вильгельма, все же он уже обвенчан с Фредерикой, а... хоть за какого-нибудь принца или за герцога!.. Но придется ждать, пока не пристроят за кого-нибудь Амалию, она старше, ее первой надо выдавать замуж... Ой, как ужасно – ждать своей очереди! Конечно, Луизе ждать еще дольше, ведь она младше меня... да что мне до Луизы? Что мне до кого-то?! Меня заботит только моя судьба! Моя несчастливая судьба... Ах, как мне не везет в жизни! И даже если вдруг объявится какой-нибудь принц, то небось самый завалыщенький! Право, мне иногда хочется броситься в пропасть! Ну что это за жизнь, в которой не видно никакого просвета?!»

Так размышляла семнадцатилетняя Вильгельмина Гессен-Дармштадтская, которая ехала в карете вместе со своими двумя сестрами, возвращаясь от кузины. Та долго и тяжело болела, да вот с помощью святых небесных сил выздоровела, ну и матушка, Генриетта-Каролина, отправила трех дочек навестить родственницу. Девицы были счастливы... Впрочем, не потому, что так уж сильно обожали кузину и сочувствовали ей, просто они ловили всякую возмож-

ность вырваться из дому и поглазеть на мир. О, конечно, маменька-ландграфиня, урожденная принцесса Цвейбрюкенская – образованнейшая из женщин своего времени, о, конечно, в замке гостят то великий Гете, то Гердер, то Виланд¹, а все-таки для юных девиц гораздо привлекательней не о высоких материях дискутировать, а просто поболтать о любви, о молодых кавалерах, о балах, о том, кто на ком женился и кто у кого родился. Поэтому они поехали к кузине с превеликим удовольствием и возвращались, щебеча и сплетничая. То есть щебетали и сплетничали Луиза и Амалия, ну а Вильгельмина, как всегда, предавалась мыслям о своей несчастливой судьбе. Она прекрасно понимала, что достойна лучшей участи, однако – и это она тоже понимала прекрасно! – надежды на изменение своей унылой судьбы у нее не больше, чем при этой спокойной, нетряской езде вывалиться из кареты...

Ой!

Карета внезапно осела на один бок, и Вильгельмина, которая сидела у самой дверцы, вылетела вон.

Несколько мгновений она лежала распластавшись, не в силах понять, жива она еще или уже насмерть убилась (совершенно как ее крестная мать, графиня Франциска Гессенская, которая точно так же выпала из кареты много лет назад и сломала себе шею), но вскоре до нее сквозь шум в ушах начали доноситься перепуганные голоса фореиторов, и она поняла, что из колеса выпала чека, колесо отвалилось, карета накренилась – вот и все.

Ганс Шнитке, доверенный слуга ее матери, которому та поручила сопровождать дочерей, бросился к Вильгельмине, помог подняться. От беспокойства у него руки тряслись, а лицо, и без того изуродованное шрамом на щеке, было искажено гримасой ужаса.

– Проклятье! – бормотал он. – Я убью этого глупца кучера! Клянусь, что ее светлость ландграфиня выгонит его вон! Посидите вот здесь, милая барышня, я помогу поднять карету.

Вильгельмина огляделась. Два фореитора помогали выбраться из кареты перепуганным, хнычущим Амалии и Луизе.

– Вот глупые курицы! – сердито сказала Вильгельмина, у которой ужасно разболелась спина. – Чего вы кудахчете? С вами-то ничего не случилось. Это мне не повезло...

– Ничего, – послышался незнакомый гортанный голос, – совсем скоро тебе повезет, красавица, да так, что ты только изумишься! Хочешь, все расскажу?

Вильгельмина вытаращила глаза. Сестры тоже. Еще бы! Рядом с ними стояла невысокая и худая смуглая женщина с крючковатым носом, который делал ее похожей на диковинную птицу, с распущенными черными волосами, с кольцами в ушах, с монистами на груди, в браслетах на тонких загорелых руках, босая и в широких пестрых юбках. А на поясе у нее висела трубка.

С ума сойти... Неужели женщина может курить трубку?!

Ну, наверное, может, ведь это не просто женщина, а цыганка...

Цыганка! *La Bohémienne*, как говорят французы!

– Что? – спросила Вильгельмина с запинкой, выпрямляясь и даже забывая о боли в спине. – Что вы... что ты расскажешь?

– Вилли! – зашипела рядом Амалия. – Ты с ума сошла! Ты говоришь с богемьен!

– Не скупись, красавица! Позолоти ручку! – весело воскликнула цыганка. – А я тебе такого жениха нагадаю!

– Вилли! – всплеснула руками Амалия. – Она с тобой разговаривает! Эта ужасная богемьен!

Цыганка бросила пренебрежительный взгляд на Амалию и снова повернулась к Вильгельмине:

---

¹ Иоганн Вольфганг фон Гете, Иоганн Готфрид Гердер, Христоф Мартин Виланд – выдающиеся деятели германской культуры и науки второй половины XVIII века.

– Ну что ж, дашь руку? Хочешь знать, что с тобой будет? Хочешь знать, что тебя ждет?

Боже мой! Неужели... неужели ее в самом деле ждет что-то иное, чем та унылая участь, которую она себе вообразила, пока ехала в карете?!

Девушка протянула дрожащую руку, и сухие, тонкие пальцы с длинными ногтями так и вцепились в нее, словно птичьи когти. Вот только птичьи когти не бывают унижены тяжелыми медными и оловянными перстнями... и птицы не говорят. А эта богемьен говорила. И *что* она говорила, *что* говорила, Боже мой!

– Будешь, будешь королевой. Нет, императрицей! Будешь императрицей, вот помани мое слово! Тебя полюбит несравненный красавец, и ты полюбишь его, и у вас родится сын... Но бойся ревнивой королевы, бойся злой королевы, бойся старой королевы! – выкрикивала цыганка, сверкая черными очами и, такое впечатление, пьянея от каждого своего слова. – Ты уедешь в далекую страну, в далекую зимнюю страну!

– А ну, пошла прочь! – раздался крик с козел, и длинный кучерской кнут угрожающе шелкнул над головой цыганки. Та вздрогнула, отшатнулась.

– Извольте войти в карету, ваши высочества, – пригласил Ганс Шнитке. – Мы поправили колесо, можно ехать. А ты уходи, ну-у! – И по его знаку кучер снова замахнулся на цыганку.

Амалия и Луиза, подбирая юбки, так и ринулись в карету.

– Скорей едем! – наперебой трещали они. – Ты представляешь, что с нами сделает матушка, если узнает, что ты болтала с богемьен и она брала тебя за руку?!

Да, герцогиня очень строга по части приличий... Даже трудно представить количество наставлений, которые обрушатся на бедную голову Вильгельмины! В самом деле, пора уезжать. Девушка, поддерживаемая Гансом, ступила на подножку. Все равно цыганка врет. Но как интересно! Как обворожительно-интересно!

Вильгельмина оглянулась.

Богемьен смотрела на нее с усмешкой.

– Хочешь, еще скажу о том, что тебя ждет? – спросила она своим таинственным, гортанным голосом. – Но только позолоти мне ручку, иначе гаданье не сбудется.

– Да кому нужно твое гаданье! – пискнула из глубины кареты Амалия. – Ганс! Гони ее вон!

Ганс угрожающе стиснул кулаки, кучер снова занес кнут, но на сей раз цыганка и бровью не повела. Только засмеялась, глядя на Вильгельмину:

– Не хочешь знать, что будет дальше? Ну что ж...

И она, окинув Вильгельмину таким же пренебрежительным взглядом, каким раньше смотрела на Амалию, неторопливо пошла к шатрам, раскинутым чуть поодаль, на опушке леса. Там горел костер, там бегали чумазные полуголые дети, оттуда доносились веселые голоса...

Вильгельмина вошла в карету, плюхнулась на сиденье и откинулась на спинку. Карета тронулась.

Девушка взглянула на сестер. Конечно, они не пропустили ни единого слова из пророчества богемьен, однако, когда Вильгельмина обернулась, и Луиза и Амалия живо отодвинулись на противоположный конец сиденья и сделали самые скучающие лица. Впрочем, ядовитая зависть, которой были с малолетства переполнены все три принцессы Гессен-Дармштадтские, не позволила им сохранить спокойствие.

– Смотри-ка! С ума сойти! – тоненьким злым голоском пропела младшая, Луиза. – Она станет королевой! Нет, императрицей! Ее полюбит красавец! Какая чепуха! Зачем красавцам эта унылая уродина?

Вильгельмина только скривила презрительно губы. Вовсе она не уродина и уж тем паче не унылая. Она не визжит от восторга, когда выпадает возможность поездить верхом, или когда приходит приглашение на бал, или когда отец устраивает катания на лодках, – да, это истинная правда. Не визжит! Но не потому, что ей не нравится ездить верхом или танцевать. Ее бесит

кудахтанье сестер, она не может видеть, как они всплескивают руками и закатывают от восторга свои бледные глазки. Она не хочет уподобляться им. Она хочет быть другой!

И разве это плохо? Окажись она такой же трусихой, как Амалия и Луиза, к ней не подошла бы цыганка и не напророчила бы чудес, из-за которых сестрички просто изнемогают от зависти!

Честное слово, они вот-вот расплачутся!

– Не горюйте, барышни, – усмехнулась Вильгельмина. – Как только я стану императрицей, я приглашу вас обеих погостить и немедленно найду вам самых красивых и богатых женихов в своих владениях.

Малышка Луиза, куда более добродушная, чем старшая сестра, радостно засверкала своими небольшими светло-голубыми глазками. Зато вредная Амалия сразу приняла высокомерный вид.

– Ох, какая добренькая! – противно засюсюкала она. – Да ты сначала стань этой самой императрицей! Веришь в какую-то глупую болтовню и нас с толку сбиваешь!

– Почему же это глупая болтовня? – вступилась Луиза. – Разве ты не знаешь, что цыганское гаданье всегда сбывается?

– Сбывается, если за него заплачено! – засмеялась Амалия. – А разве Вилли позолотила этой богемьен ручку? Нет! Значит, и гаданье не сбудется! Цыганка сама это сказала!

И сестры наперебой принялись потешаться над каждым словом цыганки и занимались этим всю дорогу.

Вильгельмине очень хотелось наброситься на сестер и, сорвав с них парики, хорошенько отодрать за жиденькие волосенки (у нее-то были роскошные волосы, которые жаль было неволить под париками и которым эти противные девчонки ужасно завидовали), но она предпочитала хранить высокомерное молчание, хотя и с трудом удерживала слезы.

Не заплатила! А чем ей было заплатить? Принцессам не давали денег! И теперь чудесное гадание не сбудется!

Но вот карета въехала в ворота замка.

– Посмотрите-ка! – воскликнула Амалия, сидевшая у окна, обращенного к дому. – Что это с матушкой?

Сестры высунулись тоже и сразу поняли: дома что-то произошло. Ландграфиня Генриетта-Каролина мерила быстрыми шагами террасу. Это матушка-то, проповедница сдержанности и образец безупречных манер!

Уж не случилось ли что-то ужасное? Не хватил ли батюшку удар?!

«Если бы его хватил удар, – подумала Вильгельмина, – к нам съехались бы сочувствующие родственники. Все повеселей стало бы...»

– Девочки, скорей! Скорей! – замахала руками Генриетта-Каролина, когда дочери одна за другой выскочили из кареты и бросились к крыльцу. – Немедленно умываться, переодеться, причесаться. Даю вам полчаса времени. У нас гость! У нас такой гость!..

– Ну, матушка, не его же величество дядюшка Фридрих II прибыл с неожиданным визитом! – насмешливо протянула Вильгельмина.

Она все еще была слишком зла, чтобы быть вежливой даже с матерью. Правда, тут же струсила – ну, сейчас ей зададут! – однако мать, к ее изумлению, словно бы и не заметила этой дерзости.

– Нет, это не король, – возбужденно ответила она. – Но это... это что-то невероятное! Такой визит!

Генриетта-Каролина не могла больше хранить тайну. Обхватила всех трех дочек за плечи, притянула к себе:

– Прибыл баронASSEбург!

Сестры разочарованно переглянулись. Имя им ничего не говорило.

– Ну и кто же это? – осведомилась Амалия снисходительно.

– Это русский посланник при германском сейме. Он подданный нашего короля, но был датским посланником при российском дворе, а теперь перешел на российскую службу. И его... направила к нам сама императрица Екатерина! Она велела... она велела барону повнимательнее присмотреться к вам, мои дорогие девочки!

– Зачем? – выдохнули «дорогие девочки» взволнованным хором.

– Затем, что... – продолжала Генриетта-Каролина, заикаясь от волнения. – Затем, что императрица Екатерина ищет невесту для своего сына! Сначала господин Ассебург побывал у принцессы Луизы Саксен-Готской, но она отказалась перейти в православие, а это непременное условие императрицы. Потом барон Ассебург побывал у Софии-Доротеи Вюртембергской, однако она еще сущий ребенок, ей всего лишь двенадцать. А императрице нужна взрослая, разумная девушка. Поэтому посланник ее величества Екатерины прибыл к нам. Он знал, что у нас три дочери на выданье. Я думаю, что одна из вас непременно, непременно подойдет для русского принца!

И тут Генриетта-Каролина остолбенела. Вместо того чтобы начать возмущаться, что их очередь настала лишь после знакомства Ассебурга с другими претендентками, вместо того чтобы начать яростно спорить, кто из трех красоток Гессен-Дармштадтских больше подойдет на роль невесты для русского принца, сестры молча переглянулись, а потом Амалия и Луиза вдруг побледнели и уставились на Вильгельмину с таким выражением, словно увидели призрак. Да и выражение лица Ганса Шнитке было примерно таким же.

– Значит, эта богемьен все-таки не наврала! – пробормотала Луиза. – Россия – далекая зимняя страна!

Амалия обиженно надула губы, а Вильгельмина скромно, таинственно улыбнулась.

Она вспомнила... она вдруг вспомнила всем известную историю. Еще когда могущественная русская императрица была просто десятилетней принцессой Фикхен², ее увидел некий священник Менгден, который славился как прорицатель. Взглянув на скромницу Фикхен, он сказал ее матери: «На лбу вашей дочери вижу короны, по крайней мере три!»

Каково совпадение, а? Каково совпадение!

* * *

– Хо-ро-ши девки!

Мужской голос прозвучал совсем тихо, однако что-то все же обеспокоило одну из девушек, которые плескались в тесной мыльне. Мыльня находилась между двумя комнатами, в которых жили попарно фрейлины, вход имела и из коридора, и из этих комнат и, несмотря на то что девушки принадлежали к свите императрицы, выглядела довольно скромно. Две-три лохани из самого простого фаянса, ванна жестяная, вода в медных ведрах, суровые полотенца из тщательно отбеленного льна... Впрочем, многим барышням, привычным к обычным деревенским и полудеревенским банькам с их деревянными лавками и вечно разохшимися шайками, мыленка сия казалась бы, наверное, роскошной. Другое дело, что одному из двух мужчин, которые сейчас украдкой в эту мыльню заглядывали, пробравшись в пустующую комнату, приходилось выдвигать куда более роскошные помещения для омовения красавиц. Например, он мог вспомнить гарем богатого турка на одном из островов Греческого архипелага: среди розовых кустов – мраморные бассейны, вокруг золоченая и высеребренная посуда, тонкие шелка, в которые оборачивали после купанья роскошные тела наложниц... аромат восточных благовоний смешивался с назойливым запахом роз... А тут, в России, девушки мыли свои

---

² Маленькая Фредерика – таково было уменьшительное имя Софьи-Августы-Фредерики Ангальт-Цербстской, будущей императрицы Екатерины II.

чудные русые волосы какими-то обмылками, с которыми обращались с великой бережливостью. Молодой человек – его звали Андре – уже готов был упрекнуть русскую императрицу в чисто немецкой скупости (с другой стороны, что с нее, немки по происхождению, возьмешь?), потом вспомнил, что фрейлинское жалованье очень даже немалое, и если девушки жалеют тратить на себя деньги, то это их личное дело. А впрочем, он здесь не для того, чтобы рассуждать, широко или скупно живут молоденькие фрейлины императрицы. Гораздо приятней просто смотреть на этих белотелых тугих красоток и ни о чем не думать... вернее, предаваться лишь тем мыслям, которые посещают всякого мужчину при взгляде на молодое нагое женское тело. Вот спутник его, Поль, – он в полном восторге и, судя по выражению его лица, с трудом удерживается, чтобы не ворваться в мыльню и не сцапать в объятия ту, что окажется менее проворной и не успеет убежать.

– Хороши девки! – горячо воскликнул Поль вновь, уже гораздо громче, и девушки, переглянувшись круглыми с перепугу глазами, завизжали и кинулись прочь из мыльни. Они поняли, что за ними подглядывают!

– Вот дуры, – усмехнулся он. – Бежать голыми по коридору, где полно гвардейцев, – ну что может быть глупей и ущербней для стыдливости девичьей? Лучше бы дали нам досмотреть.

– Не так, – поправил его Андре. – Лучше бы *дали* нам... – он сделал ударение на слове «дали» и многозначительно умолк.

– И впрямь лучше! – зашелся смехом его приятель. Некрасивое лицо его покраснелось, а руки находились в таком возбуждении, что, казалось, он с превеликим трудом удерживается от того, чтобы не предаться греху Онана, воплотив таким образом в жизнь известную пословицу о том, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

– Ну что, Поль, нагляделся на девчонок? Готов теперь с бабами *se montrer galant*?³ – спросил первый молодой человек.

– Андре, ты циник! – вспыхнул Поль. – Ты что, думаешь, я пялюсь на этих девочек только для того, чтобы возбудиться?!

– А почему бы и нет? – лениво улыбнулся Андре. – Алымушка, как ее называет твоя татап-императрица, в самом деле прелесть, ее полудетские миленькие формы кого угодно приведут в боевую готовность, даже старикашку вроде Бецкого. Ты слышал, Поль? Он намерен забрать ее из Смольного и то ли жениться на ней, то ли удочерить – кажется, он и сам еще хорошенько не знает.

– От любви даже ослы танцуют, – насмешливо сказал Поль.

Андре чуть приподнял брови. Поскольку он принадлежал к известной – о, очень известной! – в России фамилии Разумовских и поскольку и отец, и дядя его в разное время побывали фаворитами бывшей императрицы, Елизаветы Петровны (более того, дядя стал ее морганатическим супругом, а отец, по слухам, в свое время пользовался особенной благосклонностью императрицы нынешней, Екатерины Алексеевны), – Андре, вернее, Андрей Кириллович не мог не быть посвященным в самые интимные секреты и жизни двора, и жизни самых знатных персон, вплоть до императрицы. Он был наслышан и о том, что этого самого господина Бецкого, о коем Поль, вернее, Павел... вернее, великий князь Павел Петрович только что выразился столь непочтительно, некоторые всерьез считают отцом – ах, страшно даже сказать! – отцом самой Екатерины Алексеевны! Якобы ее довольно шаловливая матушка, Иоганна-Елизавета, встретила с ним в Париже, где Бецкой, внебрачный сын князя Трубецкого, служил секретарем русского посла. И от этой тайной связи родилось еще одно внебрачное дитя... впрочем, официально признанное герцогом Ангальт-Цербстским... Таким образом, называя Бецкого ослom, Павел, сын Екатерины, возможно, оскорбляет собственного деда!

---

³ Любезничать (*фр.*).

А впрочем, даже если Бецкой – отец Екатерины, то это еще не значит, что он дед Павла... Ведь ходили тайные, очень тайные слухи, доступные лишь особо доверенным лицам (очень может быть, что только Разумовским!), будто Павел – вовсе не сын Екатерины! Якобы давным-давно, когда Екатерина Алексеевна еще была великой княгиней, выяснилось, что ее законный супруг, великий князь Петр Федорович, не способен дать стране наследника, и пришлось воспользоваться, так сказать, услугами графа и камергера Сергея Салтыкова, с которым у Екатерины была давняя любовная связь, – с ведома, между прочим, государыни Елизаветы, которая отлично знала о неспособности своего племянника к продолжению рода и молилась о продолжении династии любой ценой, пусть даже ценой откровенного адюльтера. Однако... однако Екатерина родила мертвого ребенка! Императрица была тут же, в Летнем дворце, около покоев молодой родильницы. Узнав о несчастье, она приняла решение мгновенно. Отряд доверенных гвардейцев сей же час на рысях вышел в чухонскую деревню Котлы, что возле Ораниенбаума. В эту ночь там появился на свет мальчик, о чем известили императрицу. Новорожденный был незамедлительно отвезен в Петербург и передан из рук в руки Елизавете. Было приказано палить из пушек Петропавловской крепости и сообщить, что у великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны родился сын.

Все это произошло в течение нескольких ночных часов. И еще до наступления утра всех крестьян деревни Котлы до единого и даже пастора местной церкви под строгим конвоем вывезли в далекую землю Камчатку, а их избы снесли и запахали само место, где стояли эти самые Котлы.

Разумеется, события той ночи никогда и никем не обсуждались. Только однажды, несколько лет спустя, уже на смертном одре, в бреду, Елизавета шепнула огорченно:

– Ну что б ему было родиться хотя бы в русской деревне!

Екатерина и Алексей Разумовский бодрствовали у постели умирающей. Они одни это слышали... Потом Алексей Григорьевич обмолвился брату... Андре подслушал их разговор случайно. Вот так он и узнал о происхождении своего друга, наследника престола.

Хм... Не много ли внебрачных детей возникает в этой истории? Да, порядочно, особенно если учесть, что и самого Андрея многие искренне считали внебрачным сыном Кирилла Григорьевича и покойной императрицы Елизаветы! Он знал об этом, и слухи эти льстили его самолюбию. Не то чтобы он не любил той, которая звалась его матерью, – Екатерины Ивановны Разумовской, урожденной Нарышкиной, – однако, согласитесь, люди добрые, приятно же думать, что ты вполне можешь считаться с некоего боку наследником русской короны, явно опережая в этом небезызвестного чухонца... И только врожденная порядочность удерживает тебя от того, чтобы корону у сего чухонца оспаривать, тем паче что он называет тебя своим другом и даже добавляет ласково: «*Fidèle et sincère ami*»⁴!

– Алымужка в тебя по уши влюблена, – проговорил в эту минуту Павел, и голос его прервал размышления Андре. – Смотри, как бы старина Бецкой тебя на дуэль не вызвал.

– Пусть он успокоится, – усмехнулся Андре. – Алымужка прелесть, но мне она не нужна. Яблочко, может, и сладкое, да недозрелое, я такие не люблю.

– А на мой счет ты, видимо, все же прав, – вздохнул Павел, наконец-то отходя от небольшой щели между портъерами, около которой друзья стояли. – Меня как начал граф Орлов, галант матушкин, «выводить в люди», «учить жизни» – он это так называл – и открывать мне женские прелести, начиная с подглядывания за фрейлинами, так я до сих пор люблю сие занятие. Более всего возбуждает оно во мне чувства самые пылкие и побуждает к забавам, любимым в стране Цитеры⁵.

⁴ Верный и искренний друг (*фр.*).

⁵ Одно из имен богини Афродиты.

– Боже! – насмешливо вскричал Андре. – В стране Цитеры! Этак и мой отец уже не выражается! В каком старомодном лексиконе ты сих замшелых выражений набрался, друг мой?!

Павел расхохотался:

– Так выражался мой воспитатель, Семен Андреевич Порошин. Я влюбился тогда во фрейлину Верочку Чоглокову, полагал ее истинной чаровницей и сочинил в ее честь стихи...

Он встал в позу и торжественно произнес:

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня,
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Андре с преувеличенным восхищением заплескал в ладоши. Павел раскланялся с видимым упоением, а Андре подумал, что господа пииты все, как на подбор, совершенно лишены способности трезво оценивать свои творения.

– Порошин выслушал меня, – продолжал Павел, – и воскликнул: «О, ваше высочество! Вы хорошо начинаете! Предвижу, что со временем вы не будете ленивым или непослушным в стране Цитеры!»

– Так ведь оно и получилось, – мягко сказал Андре. – Ты любимец женщин.

Ему нравился Павел, и очень хотелось сказать ему что-нибудь приятное. Конечно, цесаревич был большой юбочник! Однако дамы не всегда бывали к нему благосклонны и искренни. Взять хотя бы ту же Верочку Чоглокову.

После прочтения вышеупомянутых стихов Павел на первом же балу пригласил ее танцевать, а потом начал нежно перебирать пальчики и осмелился пылко выдохнуть:

– Если бы сие пристойно было, я бы поцеловал вашу ручку!

Верочка, отводя поскуцневший взор от курносой физиономии царевича, ответила, скромно поджав губки:

– Это было бы уж слишком, ваше высочество!

Однако Павел не унялся. Он донимал скромницу своими ухаживаниями, стихами, охами и вздохами. И показал себя истинным Отелло, когда ему почудилось, что предмет его сердечной склонности, в свою очередь, равнодушна к смазливому пажу Девиеру. Этой вымышленной «измены» он так и не простил Верочке и простер свою благосклонность на другую «чаровницу».

Граф Орлов не баловал царевича разнообразием методов любовного воспитания. Он хаживал с юнцом в покои фрейлин и в комнаты служанок. Однако Екатерина, узнав об этом, рассердилась. Она вдруг заподозрила, что ее фаворит, который порой изменял своей царственной подруге, использует сейчас ее сына для прикрытия своих собственных распутных похождения. Именно граф получает все удовольствие, а Павел просто остается наивным зрителем, но отнюдь не участником действия-любодейства. Тогда императрица, привыкшая все в своем королевстве держать в руках, взяла в свои руки и дело любовного просвещения наследника. В ее штате была очаровательная вдова, фрейлина Софья Степановна Чарторыжская, которая по всем статьям подходила для того, чтобы сделаться наставницей Павла.

Софья Степановна была дочерью новгородского, а потом петербургского губернатора и сенатора, а также писателя Степана Федоровича Ушакова и его жены Анны Семеновны, которая в свете имела скандальную репутацию. Она была в первом браке за Иваном Петровичем Бутурлиным, а когда в нее влюбился Ушаков, ушла от своего мужа и вышла за любовника, «публично содеяв любодейственный и противный церкви брак», как было провозглашено с амвона. Высокий чин супруга и благорасположение, которое ему оказывала императрица, благосклонная к участникам романтических историй, спасли репутацию Анны Семеновны и

обеспечили ее дочери покровительство Екатерины и удачную партию. В первом браке Софья Степановна была замужем за генерал-майором Михаилом Петровичем Черторыжским, флигель-адъютантом Петра III, но рано овдовела. От больного, чахоточного мужа детей она не имела, зато сохранила жадную страсть к едва познанным ею наслаждениям. Она была очаровательна, одевалась всегда щегольски, превосходя своим вкусом и обольстительностью других фрейлин. Павел давно на нее поглядывал с жадностью, так что императрица сделала правильный выбор.

Софье Степановне, которая была довольно образованной особой (все же дочь писателя!), понравилась мысль сделаться русской мадам де Бове⁶, и вскоре Павел узнал, что в стране Цитеры произрастают не только эфемерные цветы платонических наслаждений, но и весьма сочные плоды сладострастия.

Эти плоды понравились ему. Он норовил рвать их как можно больше и как можно скорее. Красавицы, дарившие ему эти плоды, нежно и покорно улыбались наследнику престола, а про себя думали, что в объятиях какого-нибудь лакея или помощника истопника можно найти гораздо больше удовольствия, чем с этим царевичем, который думает только о себе.

Впрочем, новая «мадам Бове» слишком боялась императрицы, чтобы изменять наследнику, а потому спустя положенное время у нее родился сын, которого назвали Семеном Афанасьевичем Великим и которого императрица взяла к себе на воспитание.

Вскоре после рождения сына Софья вышла вторым браком за графа Петра Кирилловича Разумовского, обер-камергера, второго сына гетмана и старшего брата Андрея Кирилловича. То есть Андре вновь некоторым образом породнился с Полем... Его, и в самом деле циниканасмешника, очень забавляла эта ситуация – в отличие от его отца, графа Кирилла Григорьевича. Разумовский был очень недоволен этой свадьбой, ведь Софья была на пять лет старше мужа и очень расточительна. В этом, однако, она вполне подходила мужу, а своей нерешительностью и переменчивым характером была очень на него похожа; поэтому, вероятно, супруги нежно любили друг друга и жили очень дружно.

Впрочем, сие не суть важно для нашей истории, так же, как и упоминание о еще одном внебрачном ребенке: сделано оно всего лишь, как любят говорить французы, а propos, между прочим. К нашей же истории имеет отношение то, что, покинув беременную Софью Степановну, воодушевленный Павел воистину пустился во все тяжкие и не пропускал ни одной юбки.

Наконец слухи об этом начали утомлять Екатерину.

– Мальчишку пора женить, – сказала она Орлову. – А то он мне весь двор обрюхатит!

– Да уж, – самодовольно кивнул фаворит, который имел все основания гордиться размахом страстей своего воспитанника. – И в кого он такой уродился?

Екатерина нахмурилась: она была отнюдь не ханжа, но не терпела все намеков на свои любовные шалости. Тем паче, что вопрос о том, в кого уродился Павел, был большой загадкой для всех...

Но сейчас речь не о том. Женить так женить! Вопрос – на ком?

Намерение матушки воодушевило Павла. Однако к выбору невесты его не подпускали – мать имела все основания не доверять его уму.

– Вы слишком пылки, сударь, – сказала она сыну. – Пылкость сия лишает вас рассудительности. Если перед вами поставить десять или хотя бы трех невест, вы во всех них зараз немедленно влюбитесь и будете метаться меж ними, как буриданов осел.

Присутствовавший при сем граф Орлов подумал, что невозможно более изысканно и многословно назвать человека идиотом, и восхищенно улыбнулся своей царственной подруге.

---

⁶ Историки уверяют, что именно главная камеристка королевы Анны Австрийской мадам де Бове некогда лишила невинности юного короля Людовика XIV.

– Поэтому, – продолжала та, – я оставляю за собой право самой выбрать девушку и представить ее вам. Понравится она вам – прекрасно. Нет – найдем другую, благо в Европе полно хорошеньких герцогских и княжеских дочек.

– Но ведь жениться должен я! – возмутился Павел. – А выбирать будете вы!

– Конечно, – кивнула мать.

– Но почему?!

– Да ведь я уже сказала. – Екатерина никогда не отличалась терпеливостью в беседах с сыном, потому что терпеть не могла повторять одно и то же, а с ним это приходилось делать постоянно. – Потому что я не доверяю вашему выбору!

«Я вашему тоже не доверяю», – чуть не ляпнул Павел, однако перехватил предостерегающий взгляд Орлова и прикусил язык.

– Хорошо, но... но... мне бы хотелось, чтобы, прежде чем невеста будет отправлена в Россию, на нее посмотрело некое доверенное лицо. Человек, который знает мои вкусы, который видит жизнь как бы моими глазами, который знает, что я истинно понимаю под женской прелестью...

– Пустое это, – отозвалась было мать, однако Павел воспротивился:

– Как же пустое?! Ведь если девица будет сюда уже доставлена, а я выскажусь против нее, ее придется отправлять назад, искать другую, снова привозить в Россию... Это ж сколько денег будет попусту потрачено, а времени сколько пройдет!

– Разумно, – пробормотал Орлов. – Ваше величество, великий князь говорит очень разумные вещи!

Екатерина неохотно кивнула. Затраченные средства – чепуха, но вот за то время, пока невесты будут шляться туда-сюда, Павлушка вовсе взбесится от неудовлетворенных желаний. Довольно с нее одного незаконного внука, с собственными незаконными детьми разобраться бы! Насчет доверенного лица в самом деле придется подумать.

– И кого же вы видите в качестве этого *cavalier servante*?⁷ – спросила она с видом терпеливого снисхождения. И усмехнулась: ого, граф Орлов уже, кажется, готов предложить себя в качестве такового? Уж очень играет глазом!

Ну так и напрасно. Екатерина его не пустит. К тому же Павлу он и на ум не пришел в качестве чичисбея будущей великой княгини.

– Ну само собой, это должен быть граф Разумовский! – воскликнул наследник, настороженно глядя на мать: неужто воспротивится?! Неужто навяжет ему какого-нибудь занудного ментора, которому только старых лошадей подбирать для полка отставных инвалидов, а не красавиц-невест для принцев?!

Однако лицо императрицы так и просияло улыбкой:

– Граф Разумовский? Который же из них? Полагаю, вы имеете в виду шалунишку Андре? Ну что ж... Удачный выбор!

Не пройдет и года, как императрица вспомнит и настойчивость сына, и эти свои слова... и еще знаменитого Мольера, который написал в одной из своих пьес: «*Tu l'as voulu, Georges Dandin!*»⁸

Ну а пока молодой Разумовский готовился к путешествию – и продолжал соучаствовать Павлу в его шалостях. Цесаревич решил должным образом проститься с холостой жизнью, и его похождениям, казалось, несть числа!

---

⁷ Кавалер-серван, чичисбей – в Средние века так назывался платонический обожатель дамы, домашний друг и всегдашний ее спутник.

⁸ Несколько искаженная цитата из пьесы Мольера «Жорж Данден, или Одураченный муж»: «Ты этого хотел, Жорж Данден, ты сам этого хотел!»

* * *

– «Среди развлечений и забав принцесса, сделавшись женой Павла Петровича, всегда должна помнить то положение, которое занимает. А потому держать себя с достоинством и не допускать короткого обхождения, которое может вызвать недостаток почтительности», – медленно провозгласила ландграфиня, слегка запинаясь от почтительности к той, чьей волею были начертаны сии строки, и только собиралась продолжать, как ее перебила Вильгельмина:

– Неужели императрица думает, что вы, матушка, и наш батюшка не научили нас правилам приличия?

– Тише, дитя мое, – кротко ответила Генриетта-Каролина, оглядываясь, не слышит ли сопровождающий их барон Черкасов, как непочтительно относится будущая невеста цесаревича к «Наставлениям императрицы Екатерины II, данным княгиням Российским». Они были составлены самой императрицей и представляли собой краткие правила для той принцессы, которая будет «иметь счастье сделаться невесткой Екатерины и супругой Павла Петровича». – Конечно, ее величество так не думает. Слушайте дальше. «Что касается тех денежных средств, которые будут отпускаться на ее расходы, то ими она должна пользоваться благоразумно, чтобы никогда не делать долгов».

– Кстати, матушка, а вы не знаете, сколько мне будет положено «на булавки»? – небрежно перебила Вильгельмина.

Небрежность была очень даже деланая. Больше, чем вопрос о бюджете, ее заботило только одно: удастся ли ей пересилить себя и безропотно отправиться с этим невзрачным мужчиной в супружескую постель.

– Откуда же мне знать? – изумилась Генриетта-Каролина. – Об этом еще и речи не было! Ведь ты еще не только не жена, но даже не нареченная невеста принца Павла.

Амалия и Луиза, которые слушали правила с самым смиренным видом, сложив ручки на коленях и поджав губки, быстро переглянулись. Ай да Вилли! Не рано ли она начала показывать свой противный характер? Ведь русский медведь еще не убит, а она уже делит его шкуру.

Погрозив пальчиком строптивой дочери, Генриетта-Каролина вновь поднесла к глазам бумагу, исписанную каллиграфическим почерком секретаря императрицы:

– «Сделавшись женой Павла Петровича, принцесса не должна слушать никаких наветов злобных людей против императрицы или цесаревича, а в деле политики не поддаваться внушениям иностранных министров».

Вильгельмина фыркнула:

– Мне кажется, государыня слишком много на себя берет! Неужели она будет шпионить за мной, своей невесткой, чтобы убедиться, как я себя веду?

– Замолчи, глупая девочка! – не сдержалась ландграфиня. – Если ты будешь так много болтать, ты никогда не станешь невесткой императрицы!

Луиза и Амалия сидели потупившись, однако их маленькие сердца, стиснутые корсетами, колотились, как пойманные в капкан зверушки. В каждой принцессе пробудилась робкая надежда, что противная богемьен все-таки ошиблась в своих предсказаниях. Вильгельмина забыла, что и у стен есть уши! Вдруг кто-нибудь услышит ее ехидные реплики и донесет Екатерине о том, как непочтительно ведет себя эта принцесса? Вдруг Екатерина обратит свой благосклонный взор на другую сестру?..

Похоже, в голову Вильгельмины пришла эта же самая мысль, потому что строптивница наконец-то присмирела и молча внимала прочим наставлениям Екатерины, которые ландграфиня произносила с особым выражением почтительности и усердия:

– «Так как праздность влечет за собой скуку, последствием которой бывает дурное расположение духа, надо стараться исполнять все свои обязанности, искать занятий в свободные

часы. Чтение образует вкус, сердце и ум; если принцесса сумеет найти в нем интерес, то это будет, конечно, всего лучше; кроме того, она может заниматься музыкой и всякого рода рукоделиями; разнообразя свой досуг, она никогда не будет чувствовать пустоты в течение дня. Столь же опасно избегать света, как слишком любить его. Не следует тяготиться светом, когда придется бывать в обществе, но надо уметь обходиться без света, прибегая к занятиям и удовольствиям, способным украсить ум, укрепить чувства или дать деятельность рукам...»

К тринадцатому пункту «Наставлений» сестрицы уже начали клевать своими востренькими носиками, а между тем этот пункт был самым интересным:

«Следуя этим правилам, принцесса должна ожидать самой счастливой будущности. Она должна будет иметь самого нежного супруга, счастье которого составит и который, наверное, сделает ее счастливою; она будет иметь преимущество именоваться дочерью той императрицы, которая наиболее приносит чести нашему веку, быть ею любимой и служить отрадой народу, который с новыми силами двинулся вперед под руководством Екатерины, все более прославляющей его, и принцессе останется только желать продления дней ее императорского величества и его императорского высочества великого князя, в твердой уверенности, что ее благополучие не поколеблется, пока она будет жить в зависимости от них».

– Да вы меня не слушаете, противные девчонки! – с досадой воскликнула Генриетта-Каролина, обнаружив, что взоры дочерей подернулись пеленой невнимания. – Ну вот ты, Вилли, повтори, что я только что сказала!

– «Принцессе останется только желать продления дней ее императорского величества и его императорского высочества великого князя, в твердой уверенности, что ее благополучие не поколеблется, пока она будет жить в зависимости от них», – отчеканила, встрепенувшись, Вильгельмина, у которой была изумительная память.

Мать довольно кивнула. А Вильгельмина подумала, что если она все же станет женой русского принца, то постарается как можно скорее перестать «жить в зависимости» от причуд свекрови.

И она принялась представлять себе встречу с будущим женихом. Может быть, в жизни он окажется не так непригляден, как на присланном портрете?..

Она была совершенно уверена в том, что Павел будет ею очарован. Наверное, он уже очарован, сомнений нет. С ним хлопот не будет. Со свекровью, конечно, придется потрудней... Судя по некоторым обмолвкам матушки, русская императрица попыталась выведать о будущей невестке все, что можно и нельзя. БаронASSEбург потребовал медицинского обследования будущей невесты русского наследного принца. Светила германской медицины засвидетельствовали, что девственность ее не нарушена, а в состоянии здоровья нет ничего, что могло бы воспрепятствовать супружеской жизни, а также вынашиванию и рождению здорового внука императрицы Екатерины.

Однако Вильгельмина не могла и вообразить, сколь серьезно обсуждалась ее персона и самые интимные черты ее характера!

Конечно, за нее горой стоял Фридрих, король Прусский. Все же Вильгельмина была сестрой его снохи, значит, в случае удачи этого брака он становился родственником Екатерины.

Хм!!! Эта перспектива и вдохновляла его, и забавляла. Малышка Фикхен... ее матушка, Иоганна-Елизавета, была в молодости неотразима и безотказна. Она не смогла отказать и своему королю... Вот смешно, если Фикхен – его, Фридриха, дочь! Русская императрица – дочь прусского короля!

Впрочем, король знал, что частенько находятся мужчины, которые самонадеянно приписывают себе отцовство императоров и императриц. От кого Иоганна родила Фикхен, известно только ей одной. А может, и ей неизвестно, женщины – они ведь как кошки...

Словом, он всячески подзуживал Ассебурга, чтобы тот остановил свой выбор именно на Вилли Гессен-Дармштадтской. К тому же она была истинная красotka, не то что другие две сестрички. Такой товар не стыдно показать самому привередливому покупателю!

Ассебург, впрочем, был человек ответственный и, хоть испытывал перед королем естественный трепет, куда больше опасался гонений русской императрицы, ежели обманет ее ожидания. Посему, познакомившись с Вильгельминой поближе и несколько понаблюдав за ней, он откровенно написал Екатерине, среди многочисленных похвал, следующее:

«Принцесса Вильгельмина до сих пор затрудняет каждого, кто хотел бы разобрать истинные изгибы ее души, тем заученным и повелительным выражением лица, которое редко ее покидает. Я часто приписывал это монотонности двора, необыкновенно однообразного... Удовольствия, танцы, наряды, общество подруг, игры, наконец – все, что обыкновенно возбуждает живость страстей, не достигает ее. Среди всех этих удовольствий принцесса остается сосредоточенной в самой себе и когда принимает в них участие, то дает понять, что делает это более из угождения, чем по вкусу. Есть ли это нечувствительность или руководит ею в этом случае боязнь показаться ребенком?... Простодушно признаюсь, что основные черты этого характера для меня еще покрыты завесой... Ландграфиня отличает ее, наставники хвалят способности ее ума и обходительность нрава; она не выказывает капризов; хотя холодна, она остается ровной со всеми, и ни один из ее поступков еще не опровергнул моего мнения о том, что сердце ее чисто, сдержанно и добродетельно, но что его поработило честолюбие».

Екатерина чуть прищурилась, прочитав это послание.

Хм! Поработило честолюбие! Ассебург строит из себя праведника и, кажется, пишет сие не без осуждения? Ну так и напрасно. Натура без честолюбия – что мясо без соли. Кабы у самой Екатерины в свое время не достало честолюбия – где бы она сейчас была?! Гнила бы в каком-нибудь монастыре, а то и в могиле, а на престоле сидел бы император Петр Федорович с императрицей Елизаветой Романовной... с этой своей уродливой, как смертный грех, фавориткой Воронцовой, на которой всерьез намеревался жениться, избавившись от нелюбимой Екатерины. Но этому помешало честолюбие Екатерины, а также тех, кого любила она и кто любил ее. Пусть, пусть будет у Павла честолюбивая жена – он-то этого качества начисто лишен, бедняжка! Разумеется, честолюбие этой барышне придется держать в узде. Екатерина, впрочем, не сомневалась в своем умении окоротить и приструнить кого угодно. Даже такую хорошенькую особу – можно сказать, почти красавицу! – как Вильгельмина Гессен-Дармштадтская. Она ответила Ассебургу, внимательно рассмотрев изображение будущей снохи:

«Этот портрет выгодно располагает в ее пользу, и надобно быть очень взыскательною, чтобы найти в ее лице какой-нибудь недостаток. Черты ее лица правильные; я сравнила этот портрет с первым, присланным ранее, и опять прочитала описание тех особенностей, которые, как вы находите, не уловил живописец. Из этого обзора я вывела заключение, что веселость и приятность, всегдашняя спутница веселости, исчезли с этого лица и, быть может, заменились натянутостью от строгого воспитания и стесненного образа жизни. Это скоро изменилось бы, если бы эта молодая особа была менее стеснена и если бы она знала, что напыщенный и слишком угрюмый вид – плохое средство успеть согласно видам или побуждениям ее честолюбия. Все, что вы говорите о ее нравственности, все не во вред ей, и из нее может сложиться характер твердый и достойный. Но надобно доискаться, откуда идут слухи о ее склонности к раздорам? Постарайтесь дойти до их источника и исследуйте без всякого предубеждения, заслуживают ли эти подозрения какого-либо внимания».

Что же касается стараний самого Фридриха и его хлопот за Вильгельмину, Екатерина ответила не без иронии:

«Не особенно останавливаюсь я на похвалах, расточаемых старшей из принцесс гессенских королем Прусским, потому что я знаю, как он выбирает и какие ему нужны; то, что нра-

вится ему, едва ли бы нас удовлетворило. Для него – чем глупее, тем лучше; я видала и знаю выбранных им...»

Словом, она держала себя так, что ни Ассбург, ни Фридрих, ни тем паче Дармштадтское семейство ни минуты не могло пребывать в уверенности, что дело, мол, слажено. В довершение всего Екатерина объявила, что она настаивает на прибытии Генриетты-Каролины со всеми дочерьми в Россию. Пусть, мол, выбирает жених.

И все же для нее самой выбор был однозначен: Вильгельмина. В этой девочке из захолустного германского герцогства Екатерина словно бы видела свое отражение. Именно такой была некогда она сама, Софья-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская: в чем-то неловкой, в чем-то смешной, ужасно испуганной, но безмерно честолюбивой. И когда императрица Елизавета Петровна пожелала сделать малышку Фике женой своего племянника Петра Федоровича, будущего русского государя, та поняла, что сбываются ее самые смелые мечты. Так пусть же сбудутся мечты и этой захолустной принцессы, пусть она навеки сохранит ту же признательность русской императрице, какую Софья-Фредерика испытывала к своей благодетельнице Елизавете Петровне, – несмотря на то, что их отношения вовсе не были безоблачны и благодны...

Прекрасно зная, сколь скудна жизнь владельцев небольших германских графств, Екатерина приняла все издержки по путешествию на счет русской казны и послала Генриетте-Каролине 80 тысяч гульденов. Великая императрица, которая властно руководила огромной страной, ничего не могла пустить на самотек. Ритуал встречи гостей был продуман до мельчайших подробностей. Гессен-дармштадтскому семейству предстояло самостоятельно прибыть в Любек (конечно, Вильгельмина и знать не знала, что именно из этого города триста лет назад начался путь на Русь византийской царевны Зои Палеолог, вернее, Софьи Фоминичны, будущей жены московского великого князя Ивана III), а уж там их ожидала, под командованием кавалера Крузе, флотилия из трех судов: «Св. Марк», «Сокол» и «Быстрый». Прием в Любеке и сопровождение ландграфини с дочерьми до Ревеля были возложены на генерал-майора Ребиндера, а сопровождение от Ревеля до Царского Села – на камергера барона Черкасова.

Генерал-майору и барону были даны Екатериной особые инструкции. В секретнейших пунктах инструкции Ребиндеру императрица выражала желание, чтобы он, во время морского переезда и пребывания в Любеке, подметил особенности характеров и душевные свойства молодых принцесс. Ландграфине он должен был дать понять, что от нее ожидается: во-первых, отсутствие лицемерия и ровное, ласковое обращение со всеми теми, с кем ей придется встречаться при дворе Екатерины; во-вторых, доверие к императрице; в-третьих, уважение к цесаревичу и ко всей нации.

К инструкции барону Черкасову приложена была бумага под заглавием: «Наставления императрицы Екатерины II, данные княгиням Российским».

И вот невеста и ее родственницы отбыли в свое долгое путешествие. По пути ландграфиня читала девицам вышеназванные правила. Король Прусский, довольнехонький, записывал в дневнике (по обыкновению называя себя в третьем лице):

«Старшая сестра сих принцесс находилась в супружестве за принцем Прусским; следовательно, был для Пруссии великий выигрыш, когда одна из них учинится Великой княгиней, ибо, прибавя узы родства к узам союзного дружества, казалось, что союз Пруссии с Россией сделается еще гораздо теснее. Король употребил все свои возможности, дабы дело склонить на сию сторону, и был в успехе счастлив».

А между тем именно сейчас, когда все заинтересованные лица пребывали в благодном спокойствии относительно исхода дела, обстоятельства сего сватовства находилось в ужасной опасности и близости к полному крушению.

И привел его в это состояние не кто иной, как человек, которому Павел доверял более всего... Андрей Разумовский.

* * *

Поскольку персона сия и в дальнейшем будет непрестанно появляться в нашем повествовании и сыграет в нем отнюдь не эпизодическую, а самую что ни на есть главную роль, настало время рассказать подробнее о том, кого русская императрица не то нежно, не то насмешливо именовала шалунишкой Андре.

...Когда стало известно, что граф Андрей Кириллович Разумовский вскоре покидает Петербург и отправляется в плавание – ему предписано было командовать одним из трех кораблей эскорта, а именно корветом «Быстрый», – в сердцах столичных жительниц приключилось немалое смятение. В день по несколько загадочных карет кряду курсировали вокруг дома на Большой Морской, где содержал свою холостяцкую квартиру граф Андрей. Курьеры самого таинственного вида непрестанно доставляли тщательно запечатанные послания, которые были столь сильно надушены и надписаны такими изысканными почерками, что только совершенный дурак не опознал бы в них любовных посланий.

Что и говорить, мало можно было найти в России сердцеядов столь прославленных, как наш герой! Ходили слухи, будто первые уроки обольщения он проходил в объятиях знаменитой Прасковьи Брюс, confidentки императрицы. Этих слухов никто не опровергал, ни тот, ни другая, однако если что и было, все давно осталось в прошлом, ибо у всякой женщины, которая оказывалась в объятиях графа Андрея, немедленно возникало слишком уж большое число соперниц. Он умел возбуждать страсть в женских сердцах, не увлекаясь, умел разжечь пожар, не возгораясь... при этом каждая дама не сомневалась, что почти завладела его сердцем... осталось приложить еще самую малость усилий... Однако граф Андрей ускользал от всех составленных сетей. Дамы обижались и клялись никогда более не видеться с коварным. Но стоило им услышать его голос... увидеть его черные глаза... Да что там – самое звучание этого имени словно бы наполняло воздух любовным возбуждающим ароматом: «Граф Андрей Разумовский»... Вот и сейчас: чудилось, каждый бумажный квадратик или прямоугольник трепещет, содрогается, будто взволнованное сердце, исполненное любовью... однако напрасно! Из чистого, но холодноватого любопытства граф Андрей все же перебрал свою обильную корреспонденцию, вскрыл наугад два или три письма, мельком взглянул на строки, с полуулыбкой пожал плечами – и занялся сборами. Все письма остались без ответа на особом столике в кабинете графа Андрея: они не были допущены даже в спальню... а после отъезда барина прислуга, повинувшись страсти к порядку, бросила их в печь в кабинете...

Корвет «Быстрый» уже был совершенно готов к отплытию, когда Андрей Кириллович прибыл в Кронштадт и явился на борт. С одной стороны, наш герой сохранил умение души восхищаться новыми впечатлениями – ведь каждый выход в море – это открытие мира! С другой стороны, прочно усвоенный цинизм приучил его подавлять избыточную романтику, загонять ее в самые потаенные уголки натуры, и граф Андрей давно избавился от полудетского желания все досконально окинуть перед плаванием суровым взором капитана. Ничего, все как-нибудь сладится... Он привык к этому, ведь Фортуна благоприятствовала и покровительствовала ему с того самого дня, как он, двенадцатилетний мичман, ступил на палубу английского корабля «Rapid»⁹ (с тех пор наш герой всегда, если была такая возможность, выбирал корабли с названием именно «Быстрый»).

Да, сын одного из богатейших людей страны отнюдь не был тепличным растением, несмотря на то что отец, граф Кирилл Григорьевич Разумовский, дабы сыновья получили наилучшее образование и при этом не оказались разлучены с нежной матерью, построил в Глухове, где он жил в чине украинского гетмана (чин сей, к слову сказать, был восстановлен нарочно

---

⁹ Быстрый (англ.).

ради него), специальный «институт», в котором, кстати, великий Август Людвиг Шлецер впервые ввел преподавание статистики под названием «Познание своего Отечества».

Статистика Андрея не влекла... он жаждал познания мира в самом прямом и грубом смысле этого слова! Военная стезя, карьера морехода для сего показалась самой приманчивой. Не обошлось без влияния отца – ведь граф Кирилл Григорьевич был в ту пору фельдмаршалом России, четырнадцатым по счету обладателем этого звания.

Получив чин лейтенанта флота, граф Андрей был послан в Греческий архипелаг к адмиралу Спиридову и принимал участие в Чесменском бою 1770 года. Дрался он неплохо, и, очевидно, уроки «Познания Отечества» все же не прошли даром: он задумался о том, как необходима русскому флоту в Средиземном море своя база, «якорная стоянка», как тогда ее называли.

Впрочем, думали об этом очень многие, а Андрей не слишком создан был для разрешения государственных дел. А может, он просто до этого еще не дорос. Военная карьера его перестала прельщать вообще, гораздо интересней оказалось путешествовать по Европе, особенно по Франции, оставляя за собой разбитые сердца француженок. Когда он попал в Париж, один добрый друг, принятый при дворе Людовика XV, устроил для него посещение «Comedie Française», но не только спектаклей, а и закулисного мира. Там граф Андрей едва не стал любовником знаменитой актрисы мадемуазель Рокур... это звание могло бы придать особый лоск его лаврам ловеласа, однако он не очень любил вспоминать об этой истории, а если обстоятельства вынуждали, говорил, что на вкус и цвет товарища нет, его мадемуазель Рокур не впечатлила, в ней слишком много актерства, он же предпочитает естественность.

Постепенно граф Андрей сделал для себя ошеломляющее открытие: женщины одинаковы везде, и не родилась еще на свет та, которая оказалась бы способна пробить смертельную брешь в его сердце. Оно было способно только приятно волноваться, не более того. Да и нельзя сказать, чтобы он жаждал смертельных страстей, хотя и был чувствен не в меру...

Граф Андрей очень любил музыку, однако его всегда разбирал смех, когда он наблюдал, как играет какой-нибудь выдающийся маэстро. Всклобоченные волосы или съехавший набок парик, безумное выражение лица, глаза, сошедшиеся к носу, – такой наблюдал он как-то раз картину вдохновения, и она настолько его насмешила, что отныне он старался в концертах садиться как можно дальше от исполнителей, а для верности еще и глаза закрывал. Чтобы вполне наслаждаться искусством, чтобы не расхохотаться в самый для сего неподходящий миг.

Вот так же и со страстью, размышлял он... человек, буруемаемый ею, теряет власть над собой, а значит, становится смешным, чего граф Андрей для себя допустить никак не мог. Он привык производить ошеломляющее впечатление – своим умом, своей красотой, мужественностью, отвагой и прочими самыми благородными качествами. Ошеломлять же кого бы то ни было нелепым поведением или хотя бы выражением лица он не намеревался и стыдился. Поэтому он научился получать удовольствие от любви, а прежде всего от любопытства, не теряя при этом самообладания, не теряя головы даже в самые острые и сладостные минуты.

Разумеется, женщины – создания трепетные! – укоряли его за себялюбие, которое называется среди господ сочинителей эгоизмом, однако, даже оставаясь эгоистом в душе, телесно граф Андрей научился доставлять своим любовницам такое наслаждение, какого они никогда не испытали бы в объятиях самого чувствительного воздыхателя с дрожащими руками.

Постепенно такая жизнь, такой образ мыслей и такой склад натуры преобразовали графа Андрея не только внутренне, но и внешне. Он на весь мир смотрел словно бы играючи, во всех женщинах видел поклонниц, во всех мужчинах – обвороченных им друзей. В правильных чертах его смуглого лица, обрамленного скромными напудренными локонами модной прически *ailes de pigeon*¹⁰, в насмешливо приподнятых бровях, в уголках четкого, красивого, яркого рта, в

¹⁰ Крылья голубя (*фр.*).

чутких, иногда вздрагивающих ноздрях прекрасной формы, а прежде всего – в больших темно-карих (порой они казались непроглядно-черными, словно бархат, порой – пламенными) глазах играла готовность если и не насмеяться над теми сюрпризами, которые преподносила ему жизнь, то, во всяком случае, встретить их снисходительным пожатием плеч.

Именно это он и сделал – снисходительно пожал плечами, – когда, перед самым отплытием, ему доложили, что на пристань прибыл великий князь Павел Петрович и просит позволения пройти в капитанскую каюту.

Ни у помощника капитана, который об сем докладывал, ни у самого графа Андрея не возникло даже мимолетного удивления, почему наследник русской короны ждет от какого-то капитана какого-то судна позволения ступить на борт. Всем известно, что на корабле капитан – первый после Бога, а иногда, в самые опасные минуты, от него зависит даже поболее, чем от Всевышнего.

Впрочем, граф Андрей своим высоким положением кичиться не стал и приказал немедленно сопроводить гостя к нему. Однако брови его изумленно взлетели, когда в каюте показались две фигуры – мужская и женская.

Разумовский поклонился.

– Ну вот, Андре, – сказал Павел, даже не затруднив себя тем, чтобы поздороваться, – ну что ты с ней будешь делать?! Поклялась зарезаться, коли не сопровожу ее к тебе.

– Хм, – сказал спокойно граф Андрей, глядя на изящную фигурку, замершую при дверях, и пытаясь угадать, кто скрывается под этим необъятным черным мужским плащом. Кое-какие предположения у него были, но все же он остерегался ошибиться и не рисковал брякнуть что-то вроде «дорогая Натали», или «милая Эдокси», или «прелестная Зизи». – Дивлюсь такой чести... или, напротив, должен дивиться глупости?

– Да как хотите назовите, – воскликнула девушка, отбрасывая с лица капюшон, и граф Андрей похвалил себя за предусмотрительность, потому что это была никакая не Натали, не Эдокси и не Зизи, а также, к слову сказать, не Надин, не Лиди, не Элиз, не Татиана, не Аннет, не... не... не... а была это Фифи Алымова, которую, с легкой руки императрицы Екатерины Алексеевны, все звали просто Алымушка. И это прозвище подходило ей куда больше, чем тяжеловесное – Глафира и насмешливое – Фифи.

И вновь придется слегка отклониться от сюжетного курса, уже проложенного автором подобно тому, как капитан Разумовский проложил курс для своего корвета! Без некоторого знакомства с Алымушкой никак не обойтись... ведь и она сыграет немалую роль в предстоящих событиях!

Глафира Алымова родилась после смерти своего отца, Ивана Акинфиевича. Мать, Анна Васильевна, имевшая и других детей, принадлежала к числу тех женщин, которые всю жизнь свою ставят на карту мужской любви. Это свойство, скажем сразу, Глашенька от нее унаследовала и вскоре вполне проявит...

Вернемся, впрочем, к ее появлению на свет. Госпожа Алымова желала вполне предаться горю и, чтобы ей не мешало в этом занятии новорожденное дитя, удалила с глаз долой девятинадцатидневную дочь. Добрая монахиня взяла девочку под свое покровительство и была ее восприемницею. Глафиру крестили этим именем потому, что так завещал отец. На крестинах мать соблаговолила передумать и взяла дочь к себе. Глашеньке постоянно твердили о нерасположении к ней матери, однако она не чувствовала себя обделенной: ведь точно так же Анна Васильевна относилась к другим детям. Вся жизнь, чудилось, умерла для нее вместе с мужем.

Когда, семи лет, девочку поместили в Смольный монастырь, она начала понимать, сколь много была лишена с самого раннего детства. Всех воспитанниц навещали родители, она одна из пятидесяти девушек была лишена любви и нежности матери и отца. Однако все прочие воспитанницы ее обожали, она была и по уму, и по решительности натуры, и по успеваемости первой в выпуске.

Выпуск тоже был первый в Смольном институте, только что образованном, а потому пользовавшемся особым вниманием императрицы, его главной попечительницы. Глашенька, с ее прелестным личиком, веселым нравом, восхитительной игрой на арфе и печальной участью сироты при живой матери, очень растрогала сердце императрицы. Екатерина Алексеевна любила окружать себя красивыми молодыми существами, была очень снисходительна к их слабостям и всегда говорила, что за красоту очень много может простить женщине... правда, красивому мужчине она все равно простит больше! Она прочила своей любимице место фрейлины если не при своей особе (Алымушке уже приходилось и жить во фрейлинских комнатах, и выполнять некоторые обязанности взамен заболевших девушек), то при малом дворе, который должен был возникнуть, когда великий князь женится.

И все же выпуска Алымушка ждала не без страха. Счастье, которое она испытывала в Смольном, этот покой нельзя было сравнить ни с богатством, ни с успехами в свете, которые так дорого обходятся, думала она. Эти размышления оказались правдивы, и скоро ей предстояло в сем убедиться.

Иван Иванович Бецкой, один из выдающихся деятелей того времени, возможно, отец самой императрицы, человек, находившийся в весьма преклонных летах, с первого взгляда проникся к Алымушке самым нежным чувством, в коем страсть смешивалась с отеческой любовью. Он и стыдился своего душевного трепета, и лелеял его. Ни в одной просьбе Алымушке никогда не было отказано, однако просила она всегда лишь за других.

Алымушка любила Ивана Ивановича с детской доверчивостью, как нежного и снисходительного отца, в котором она не подозревала ни единого недостатка.

Вскоре Бецкой перестал скрывать свои чувства и во всеуслышание объявил, что Глашенька-Алымушка – его любимейшее дитя, что он берет ее на свое попечение и торжественно поклялся в этом ее матери, затеплив лампаду перед образом Спасителя. Он перед светом удочерил девочку. Три года пролетели как один день, посреди постоянных нежных забот, которые окончательно околдовали юное создание. Но вот как-то шутя при всех Бецкой спросил Алымушку, что она предпочитает: быть его женой или дочерью. «Дочерью, – отвечала она, – потому что одинаково могу жить возле вас, и никто не подумает, чтобы я любила вас из интереса, а не ради вас самих; говорят, что вы очень богаты».

Бецкой был, казалось, уязвлен, однако вскоре с головой погрузился в заботы о гардеробе Глашеньки, о подготовке ее к выпуску. Выражения его любви становились все ярче, уже понятно делалось, что он видел в девушке не только милое дитя, но и прекрасную женщину, что вовсе не отеческие чувства движут им... а между тем случилось так, что Бецкой и его любовь вовсе перестали волновать Алымушку. Произошло это по причине двух событий – ею увлекся великий князь, а сама она по уши влюбилась в Андрея Разумовского.

Алымушка была очаровательна, спору нет, однако графа Андрея к ней не влекло ни чуточки. Он меньше всего хотел отбивать последние радости жизни у Бецкого, это раз, кроме того, Алымушка была для него всего лишь ребенком. Граф Андрей не принадлежал к числу тех, кто непременно желает сорвать цветок невинности, – во-первых, он был до крайности брезглив, кровь мог видеть только в бою, а расставание с невинностью, согласитесь, связано с обагрением некоторых частей тела кровью; а во-вторых, он предпочитал женщин, уже изучивших науку любви, а потому хорошо знающих, чего хотят они – и чего хотят мужчины.

– Я не обнаруживаю в себе педагогических способностей, – откровенно признавался он в интимном кругу друзей. – Слуга покорный, внимать наивному лепету девичьих признаний и утирать слезы, которые непременно следуют за первым падением, – это не для меня! Я желаю, чтобы женщина в моей постели смеялась над грехом, – так же, как над ним смеюсь я! Обнимая меня, она должна быть готова в любой миг разомкнуть объятия. Боже сохрани, если я только почувствую намек на то, что дама повиснет на моей шее камнем... Я готов даже прослыть подлецом, только бы не делить ложе с маленькой дурочкой, от которой потом не смогу отвязаться.

И вот, учитывая все это, можно вообразить, с каким выражением смотрел сейчас граф Андрей на явление Алымушки в его капитанскую каюту!

– Что вам угодно, сударыня? – спросил он сухо.

– Я приехала... я... – залепетала она робко, словно обвиняемый, который пытается отыскать последние оправдания, потом, вспомнив, встрепенулась: – Государыня назначила меня для встречи будущей великой княгини на русской границе! Поэтому я здесь!

– А что, – с деланным изумлением окинул взглядом каюту граф Андрей, – здесь русская граница?!

Павел прыснул.

– Не смейтесь надо мной! – в исступлении вскричала девушка, адресуясь, впрочем, не ему, а Разумовскому, который даже не улыбнулся. – Я на все готова, только бы...

Она осеклась, видимо, не в силах произнести последних откровенных, непристойных слов.

– Только бы что? – неприветливо проговорил граф Андрей, которого начинала раздражать эта нелепая сцена.

– Только бы вам... вам... – нелепо заикалась Алымушка. – Только бы вам при... при... – и наконец выпалила, словно в море с обрыва кинулась: – Только бы вам принадлежать!

Андрей невольно скользнул взглядом к Павлу. Он знал, что тот равнодушен к Алымушке, а потому полагал, что столь откровенное признание может вызвать у него ревность, ранить его чувства. Однако великий князь ничуть не выглядел раненым – напротив, на его курносом, некрасивом лице цвела заговорщическая ухмылка. Он хорошо знал своего очаровательного и себялюбивого приятеля!

Да, но его не знала бедная Алымушка.

В самом деле – не знала...

Если бы граф Андрей был героем чувствительных романов, которые он во множестве прочел (редкостно привередливый в одежде, женщинах, лошадях и еде, он был совершенно неразборчив в книгах и с одинаковым удовольствием поглощал, к примеру, и «Histoire du chevalier des Grieux et de Manon Lescaut» некоего французского аббата по имени Прево¹¹, и «Vitae XII imperatorum»¹² Гая Светония Транквилла), он непременно должен был восхититься смелостью юной девушки, которая отважилась на такое пылкое признание, расчувствоваться – и немедленно заключить ее в объятия. Однако Разумовский не был героем чувствительных романов (ему лишь предстояло сделаться таковым, о чем он, конечно, знать в сию минуту никак не мог!), а этот трепетный лепет вызывал у него только досаду.

«Если она ждет, что я сейчас, немедля осыплю ее поцелуями и под звуки томных признаний лишу невинности, она ошибается, – подумал граф Андрей раздраженно. – Но что же мне делать? Послать разве ее к черту и выставить вон? Невежа, скажет она, и будет права. К тому же это бестактно по отношению к Павлу, который ее так жаждет... не может же он взять женщину, от которой я с презрением отвернусь! Вдобавок она непременно нажалуется императрице, которая с ней носится как с писаной торбой... Конечно, Катерина Алексеевна решительно не умеет долго на меня злиться, а все же возможны некие неприятные моменты... Я терпеть не могу оправдываться. Ага, кажется, придумал! Теперь главное, чтобы Павлушка не подкачал, сумел воспользоваться моментом».

– Все это, конечно, очень трогательно, – сказал Разумовский, усилием воли добавив в голос подобающую случаю дрожь, – и я бы с удовольствием разделил с вами ложе страсти, однако, вот досада, я не лишаю дев невинности. В этом я некогда поклялся моей матери.

---

¹¹ «История кавалера де Грие и Манон Леско» (*фр.*) написана аббатом Антуаном Франсуа Прево.

¹² «Жизнь двенадцати цезарей» (*лат.*).

На самом деле такую клятву дал матушке брат Андрея, Петр, ну а нашему герою клясться нужды не было, потому что невинность и нетронутость, как уже было сказано, его ничуть не влекли, более того – отвращали.

– И даже ради вашей любви я эту клятву не нарушу, – продолжал он, с хорошо разыгранным сокрушением глядя в смятенные карие глазки, наливавшиеся слезами отчаяния. – Вот кабы вы явились ко мне замужней дамою или чьей-нибудь любовницей, клянусь, я бы вас не упустил. Поскольку клятву *faire pas adultère* я не давал.

– Что же мне делать? – робко спросила Алымушка, дрожа губами и последним усилием удерживаясь от слез. – Как же мне быть?!

– Ну, не знаю... – пожал плечами Разумовский. – То есть знаю, конечно. Попробуйте расстаться с этим цветком, которые многие ценители находят восхитительным. Вот, к примеру, великий князь... А кстати! – воскликнул он, словно его только что, вот сейчас, осенило. – Вы заставили великого князя привезти вас сюда угрозами, что покончите с собой. Правильно я понял?

– Истинно так, – кивнул Павел с веселым блеском в глазах. Он смекнул о намерениях приятеля, находил их очень умными и готов был подхватить игру.

– Но неужели вы не посулили ему какую-нибудь награду за исполнение вашего неразумного желания? – вкрадчиво спросил граф Андрей.

Доселе бледная, словно восставшая со дна утопленница, Алымушка внезапно покраснела, по расхожему выражению, как маков цвет.

– Как же, как же! – покивал Павел. – Посулила исполнить все, что я ни захочу!

– Любое желание? – с коварным выражением изломил соболиную бровь граф Андрей.

– Любое! – истово повторил Павел, а Алымушка промолчала, потому что это была правда. И она снова начала бледнеть, понимая, в какую ловушку попала. В ту минуту, когда она вынуждала влюбленного великого князя отвезти ее к Разумовскому, она просто забыла, что по всем счетам нужно платить... *C'est la vie*, что поделать!

– Ну вот, – пожал плечами граф Андрей. – Как видите, все отлично устроивается.

Алымушка перевела глаза на Павла и сказала:

– Хорошо, пусть так. А мы еще успеем до отплытия?

Какое-то мгновение приятели ошеломленно молчали, потом так и покатались со смеху. Итак, Алымушка решительно брала быка за рога! Вернее, быков... Она готова была немедленно отдаться нелюбимому цесаревичу, чтобы потом заполучить в свои объятия обожаемого Разумовского! Оба про себя гадали, крайняя наивность вынуждает ее так себя вести или столь же крайний цинизм, который она умудрилась подцепить при дворе, или в Смольном, или общаясь с Бецким, как бродячая собака цепляет на себя блох там и сям... А может быть, она с рождения была проникнута сим пороком, как иные бывают проникнуты тяжкими болезнями... Впрочем, не суть важно!

– Нет, – сухо сказал граф Андрей и даже руку выставил, чтобы сим жестом подчеркнуть категоричность отказа, – до отплытия мы не успеем. Мы уходим спустя час, а спешить в таких делах я не привык. Да и его высочество тоже. В конце концов, дитя мое, даже куаферу вы отводите больше времени на занятие вашей прической, а ведь мы не щипцами горячими размахивать собираемся!

– Вот именно, – поддакнул Павел, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

– Так что, – завершил Разумовский, – пойдите с его высочеством, Алымушка, доверьтесь ему, его опыту и нежности, ну а потом, по моем возвращении, если пожелаете, мы вернемся к этому разговору.

«В самом деле, может быть, она станет хоть чуточку поинтересней, – подумал он философски. – А то, глядишь, влюбится в Поля... в конце концов, мужскими свойствами он очень

даже не обделен, а в сочетании с его титулом и богатством это сделает его совершенно неотразимым. Глядишь, Алымушка не захочет с ним расставаться!»

Алымушка, похоже, смирилась с тем, что немедленно заполучить Разумовского ей не удастся. Она еще подбирала с ресниц крупные, совсем детские слезы, однако в улыбке ее появилось нечто проказливое. Теперь она посматривала на графа Андрея с особым выражением, словно намеревалась сказать: «О, ты даже не представляешь, какой я стану! Ты влюбишься в меня по уши!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.